

Наталья Васильевна Щерба Враг и союзник

предоставлено правообладателем <http://litres.ru>

Наталья Щерба Враг и союзник

В бойцовском зале возбуждённо шумели зрители, резко выкрикивал рефери: гул людских голосов врывался в раздевалку и вихрем кружился под потолком, между белыми электрическими лампами.

Борька медленно зашнуровывал любимые ярко-синие кеды, раздумывая над предстоящим поединком. Страх он не испытывал, хотя противник казался намного сильнее.

Во все года Аудакс предоставлял на Цифровые Игры крепкую, тренированную команду – сам вид сильных и уверенных спортсменов, за плечами которых немало выигранных боёв, внушал особое уважение. Так что и на этих галактических соревнованиях рассчитывать на победу землянам не приходилось, не говоря уже о командах с других миров.

Более сорока с лишним лет земляне мечтали о Межпланетном Кубке по цифровой борьбе, но игровое золото всегда доставалось Аудаксу – маленькой земной колонии на самом краю Галактики. Борька слышал, что почти вся планета утопала в зелени виноградников, недаром Аудакс прозывали «винным» миром: жители занимались виноградарством и виноделием, производя самые редкие вина по старинным земным рецептам. Правда, за всё время игровых сборов землян так и не вывезли на экскурсию – тренировки прежде всего; Романович бороду от счастья съест, если хотя бы один из его подопечных выиграет у Аудакса.

Борька вздохнул, резко встал, потянулся всеми суставами и замер в панике – почувствовал знакомое головокружение: хоровод синих огней перед глазами, лёгкую тошноту и слабость в коленях, учащённое сердцебиение, привычный быстрый прыжок! – и опять, в темноту.

...Она вновь шла за ним, огромная серая тень. Толстые уродливые лапы, вислые бока, грязный, в колючках хвост. И взгляд – жуткий, осмысленный, с красноватыми бликами от уличных фонарей в больших чёрных зрачках.

Каждый вечер проклятая собака провожала Борьку от здания школы до самого подъезда. Позади неизменно шуршали лапы, соприкасаясь с асфальтом улицы, и слышалось негромкое поскуливание непрошеного провожатого.

И Борька не выдерживал.

– Что тебе надо? – выкрикивал он, резко оборачиваясь. – Чего ты вечно тащишься за мной?!

Собака, присев на задние лапы, рычала и скалила жёлтые зубы в чёрных дёснах. Прохожие опасливо обходили здоровую псину, с сомнением косясь и на мальчишку.

– Отстань, – вновь жёстко произносил Борька.

Но собака ещё более скалилась, и он с ужасом думал, что ведёт себя не совсем адекватно: разговаривает с собакой, кричит на неё... Стыдно.

Стыдно и страшно.

Собака не уходила и представлялось невозможным показать ей спину. Тогда Борька пытался улыбнуться, но псина ещё больше оскаливалась, не переставая глухо и злобно рычать.

И тогда собака прыгала на него – серым лохматым кулем, и валила на землю – Борька кричал, чувствуя, как его грудь будто раздирают грязные когти...

И снова приходил в себя.

– Борька, – над ним зависло встревоженное лицо друга – Лёша казался удивлённым и в то же время нахмуренным, – ты упал в обморок... и опять перед боем, как на тренировке.

Борька с трудом поднялся, сделал несколько глубоких вдохов – как будто стало лучше. К счастью, в раздевалке никого больше не было.

– Мне кажется, здешний воздух для меня вреден, – попытался он оправдаться. – Только никому не говори, а то снимут с соревнований. Врачи потом замучают, сам знаешь.

– Может, Романовичу хоть сказать? – осторожно предложил друг. – Он же тренер, должен быть в курсе.

– Нет! – Борька повернулся к нему всем телом, умоляюще заглянул в глаза. – Нет, – тихо повторил он, – ни в коем случае.

Романович и так относился к нему с прохладцей: выпустил из запасных нехотя, но сразу на игровой Круг, и какой же Борька дал результат? Всего лишь две победы, и обе – на Луне, где, как известно, команда самая слабая. Вряд ли Борька будет участвовать на следующих Цифровых Играх.

– Со мной такое от волнения происходит, – как можно увереннее произнёс он. – Тем более, на Аудаксе. Перемена климата, скорее всего.

– Понятно, – с облегчением кивнул Лёшка. – Из наших многие жалуются, что неуютно себя здесь чувствуют. Может, тут хмель какой-то особый витает в воздухе? Сами вон, алкоголь почти не употребляют, слышал? Только травят приезжих. Жаль, что ты совсем не пьёшь, вино у них вкусное. Я ещё херес пробовал – хорош, почти наш, испанский... Только Романовичу ни слова, убьёт.

Борька кивнул, хотя думал уже о другом.

О собаке с грязной шерстью и оскаленной мордой. Когда-то в детстве похожая псина, такая же страшная, как в этих видениях, сильно искусила его – он даже в больницу попал и получил серию болезненных уколов в живот. Почему же память так настойчиво показывает ему этот кусок прошлого?

Внезапно гулко прозвенел гонг.

– Сейчас Ванька-поганка на круге, – заволновался Лёшка. – Ты следующий.

– А Олег? – встрепнулся Борька.

– Проиграл, как и все, чистая победа Аудакса... – Лёшка пожал плечами. – Ребята в унынии, Романович нервничает, за бороду себя дёргает. И так все знают, что никаких шансов: получим заслуженное серебро – и домой. Так что не переживай – как проведёшь бой, так и проведёшь.

Борька с готовностью кивнул, поднялся. Сделал шаг, другой, третий, – будто медленно продирался сквозь слой ваты, и вдруг слабость исчезла – его захватило нормальное волнение перед боем: радостно забурило кровь, мысли улеглись, а кулаки непроизвольно сжались, наливаясь привычной силой.

Чёткий синий кружок ковра с золотым ободом. Знакомые римские цифры по кругу – счёт до XXV, с тех пор, как открыли, что в земных сутках полных двадцать пять часов. Пока конференсье представлял их прославленные команды, бойцы проходили привычный ритуал: погружали руки почти по локоть в специальный смягчающий порошок, служивший кулакам защитой вместо перчаток. После, под специальными лампами, противники «обволакивались» тонкими нитями света – против особо рьяных зрителей: когда-то чемпион Галактики по цифровой борьбе был убит фанатом своего противника – близким электровыстрелом в голову, с тех пор решили применять метод световой защиты во всех видах спорта. На межпланетных шоу-стадионах давно вместо прожекторов были установлены специальные лампы, и даже поп-звёзды галактической величины не гнушались выступать на сцене, залитой призрачным голубоватым светом, потому как безопасность превыше всего.

Борька окинул взглядом поле: сам он стоял возле «I», а его противник – возле «XIII». Хорошее положение – если уложить противника на «тринадцатку» – бой заканчивается чистой победой. Несмотря на такое преимущество, Борька знал, что шансов у него почти

никаких. Ну что ж, придётся другими цифрами набирать очки.

Противник проследил за его взглядом и чуть улыбнулся самым краешком рта – вышла зловещая кривая ухмылка. Борька заметил это и проникся к врагу ещё большей ненавистью.

Боковым зрением он видел, что земная команда собралась в кучу, возле Романовича, который и вправду скрутил свою длинную бороду в кулак. Тренер, худой и высокий в своём неизменном чёрном костюме, хмуро глядел на него. Эх, даже не подошёл к Борьке перед боем...

Ребята что-то кричали, но возникший изоляционный купол не пропускал ни звука. Раздался привычный свисток, противники остались одни – друг напротив друга.

Аудаксянин первый пошёл по кругу, Борька рысью двинулся в противоположную сторону, с тоской понимая, что сам приближается к заветной «тринадцатке».

В полном молчании прошли два круга. У Борьки мелькнула мысль, что даже если он сейчас проиграет, будет ещё второй бой – более решающий. Но толку, если заранее нет надежды? Стоп! – не слишком ли он подавлен, ведь ещё ничего не известно...

И тогда Борька увидел невероятное. Возле аудоксянина, будто бы отделившись от него, зависла яркая зелёная тень с чёрным светящимся ореолом. Борька пригляделся и различил очертания крупной дикой кошки – багиры или леопарда, в точности не разберёшь. Раскрыв рот, землянин вытаращился на это чудо, не замечая, что противник, осторожно сужая круги, приближается к нему со своей зелёной тварью, хищно двигавшейся точь-в-точь за ним.

Миг – и аудаксянин бросился на него – Борька машинально увернулся от захвата, провёл подножку, но противник будто знал – подпрыгнул и нанёс мощный удар ногой сверху, попав ему на предплечье. Борька лишь по короткому свистку рефери сообразил, что лежит на «двенадцатке» – совсем рядом со своим поражением. Аудаксянин молча ждал, пока он поднимется, – спокойный и уверенный, а вот зелёная кошка с чёрным свечением бесновалась и прыгала возле него, будто ей под хвост колючек накидали.

Свисток! Опять закружились по ковру, не сводя пристальных взглядов друг с друга, но Борьке очень мешала зелёная кошка, очень. В этот раз он первый бросился на аудаксянина, но тот, словно заранее просчитал: уклонился от обманного манёвра, сам провёл блестящую серию, и вот – здравствуй, «семёрка»...

Пока рефери готовился к третьему свистку, Борька мельком взглянул на зрителей и обмер: почти все люди в зале сияли зелёно-чёрным ореолом. У кого-то сияние было слабенькое, нежно-зелёное, цвета молодой весенней травы, у других, и таких было больше – ядовито жгучее, буйно-изумрудное неприродное свечение с жуткой чёрной каймой, в точности повторяющей контуры тела.

«Тринадцатка».

Пока он рассматривал зрителей, противник, как стрела, бросился к нему наперерез и простым приёмом уложил ровно на золотой кружок с цифрой, – будто знал, что землянин даже не подумает выставить хотя бы блок. Не успел Борька этому ужаснуться, как изоляционный купол исчез: вбежал рефери, поднял правую руку аудаксянина, оглашая победу.

Как в тумане, прошёл мимо что-то говорящих ему ребят, прямо в раздевалку. Все они светились зелёным и сам он тоже был ярко-зелёным, словно только что вылез из химического реактора.

И только потом Борька потерял сознание.

Видение вновь повторилось, но на этот раз преследовавшая его собака была ярко-зелёного окраса, особенно жуткая в подступающей вечерней темноте. Но не накинулась на него – стояла и лаяла, лаяла, лаяла...

Так, под её оглушительный лай, он и очнулся.

Знакомые белые стены лазарета: здесь проводился осмотр перед соревнованиями. Белый стол врача, стулья для посетителей, весы, стеклянный шкафчик, голубые шторы на

окнах. Сам Борька лежал на кушетке, заботливо прикрытый белоснежной, немного мятой простынёй.

– Пришёл в себя?

Рядом оказался хмурый врач, аудакиянин. Мазнул наспиртованной ваткой, привычным быстрым движением ввёл Борьке тонкую иглу шприца в правое плечо, зачем-то кивнул и тут же удалился.

К счастью, его сменил Лёшка: быстро вошёл, всё такой же нахмуренный, пододвинул табурет, сел у изголовья.

Помолчали. Сознание Борьки после укола начало проясняться. Чувствовал он себя прекрасно, но разговор не начинал – ощущал какое-то напряжение со стороны друга.

– Как состояние? – наконец, спросил Лёшка.

– Порядок.

– Видел бы ты себя на площадке, – тут же перешёл к делу Лёшка, и было видно, что он давно хотел поделиться этим переживанием с Борькой. – Руки расставил в стороны, будто хотел обнять своего соперника, глаза из орбит вылезли, рот широко открыт, чуть слюна не капает... На аудакиянина вообще не смотришь, дико озираешься по сторонам, словно тебя стадо бешеных зверей окружило... Что с тобой произошло, а?

– Ты не поверишь, – Борька мрачно взглянул на друга, – все люди в зале неожиданно стали зелёными. А ещё эта кошка, такая жуткая тварь. Она отделилась от моего врага и начала шипеть, прыгать...

– Мне надо было сразу сообщить Романовичу, – тут же заволновался Лёшка и вдруг, виновато заглянув другу в глаза, продолжил:

– В общем, знаешь, я ему доложил о твоих обмороках.

– Зачем?! – тут же взвыл Борька. Хотел вскочить, но лёгкая слабость откинула его назад, и он задержался, опершись всего на один локоть. – Зачем? – с тоской повторил он, понимая, что всё для него закончилось.

– Потому что переживаю за тебя! – рассердился вдруг Лёшка, – и кажется, намного больше, чем ты сам, дубина!

– Второй бой отменён?

– Наверное, да.

Лёшка ещё что-то хотел сказать, но, махнув рукой, быстро вышел.

Борька сел на кушетку, спустив ноги на пол. Физически он чувствовал себя отлично – последствия обморока или видения, как всегда, бесследно исчезли. Но вот в душе... будто кошки нагадили. Проклятые кошки...

В дверь осторожно постучали. На пороге неслышной тенью возник аудакиянин, его бывший противник.

– Можно? – поинтересовался он.

Онемев от изумления, Борька лишь кивнул. Честно попытался вспомнить имя недавнего соперника, но тщетно.

Однако тот сам представился:

– Я Скорп... Как здоровье, Борис?

Борька неопределённо махнул головой:

– В норме.

– Это визит вежливости, – сказал аудакиянин, присаживаясь на табуретку, где недавно сидел Лёшка. – Понимаешь, у нас считают, что я тебя вырубил... Но это же не так, верно?

– Не знаю, – честно сказал Борька. И вдруг решил:

– Я видел, как из тебя выскочила кошка. Зелёная, с чёрной каймой.

Казалось, если аудакиянин удивился, то виду не подал.

– То есть?

– Ну, – Борька почувствовал растерянность, – я видел, будто от тебя отделилась зелёная кошка и бегала за тобой по кругу...

– Бегала за мной? – казалось, Скорп заинтересовался, но в его взгляде царило неприкрытое сочувствие.

– Так ты её не видел? – тоскливо уточнил Борька. Кровь ударила ему в голову: кто его за язык тянул?!

– Не видел, – подтвердил аудакиянин, уголки его губ дрогнули. – Я бы точно заметил, если бы за мной по кругу лазила кошка, да ещё зелёная.

– Забудь, – махнул рукой Борька, – это была шутка.

– Ты не умеешь шутить, – сказал аудакиянин и улыбнулся.

Улыбка вышла дружеская, сочувствующая. Хотя Борьке было стыдно, он почувствовал к Скорпу симпатию.

– Ладно, – произнес тот, поднимаясь, – я слышал, тебя только утром выпустят, держись.

– Спасибо, что зашёл.

– Ты знаешь, – уже возле дверей обернулся Скорп. – Я ненавижу кошек... Когда-то в детстве я видел одну, чёрную... Завезли в зоопарк с вашей планеты. Жуткая такая, забыл, как называется...

– Пантера?

– Во, точно! – обрадовался аудакиянин. – До сих пор её красная шипящая пасть перед глазами. Ну и твари у вас на Земле, честное слово.

Борька неопределённо пожал плечами. Тоже мне, свою бы зелёную «кошечку» видел...

– Вставай осторожнее, поберегись, – вдруг сказал аудакиянин и вышел.

Лишь только за ним закрылась дверь, Борька вскочил на ноги, но подвернул левую и вмиг распластался на полу.

– Чёрт, действительно надо было осторожнее, – расстроился он, ощупывая ногу. Фу, кажется, не вывихнул.

Дверь вновь открылась, пропуская знакомую фигуру Александра Васильевича – командного врача. Вид у него был какой-то уж слишком радостный и возбуждённый, как на приход к безнадежному пациенту, и Борька приободрился.

– Ну и напугал ты нас, – без предисловий начал врач, поправляя маленькие круглые очки на своём громадном носу. – Как самочувствие?

– Лучше всех.

– Хорошо... – Васильевич достал свой медбук, раскрыл, что-то начал набирать.

– Ну что, зелёных человечков больше не видишь? – пошутил он, не отрывая взгляда от экрана монитора.

– И не видел, – буркнул Борька, проникнувшись неожиданной ненавистью к Лёшке, который и про это уже доложил. – Это была зелёная кошка с чёрным свечением.

– Занятно...

– Васильич, – решился Борька. – Допустил бы ты меня к бою, а? Чувствую себя хорошо, а за неделю тут с тоски помру. Разреши поединок...

Васильевич промолчал, продолжая клацать по клавишам.

– А ну-ка, дай ручку, – не дожидаясь особо согласия, врач схватил его ладонь и быстро притянул к поисковой панели.

– Давай, представь-ка сюда свою кошечку, – приказал он.

Борька, немного удивлённый, кивнул, сосредоточился и вот – по экрану забегала неясная и расплывчатая, но вполне определимая зелёная пантера.

– Удивительный случай, – мечтательно сказал Васильевич и с остервенением почесал свой крупный нос.

– Понимаешь ли, – продолжил он. – Ты не первый, кто видит на Аудаксе зелёных зверей... Был один боец с Луны, впрочем, коренной землянин, который также настаивал на том факте, что во время поединка... – Васильевич приблизил глаза к монитору и прочитал: «неожиданно от моего противника отделилась длинная зелёная тень с чёрным ободом, очень

похожая на толстую змею – она ползала по ковру, шипела и извивалась кольцами... Аудаксянин не видел её, но мне шипение этой твари очень мешало. Я и опомниться не успел, как оказался на полу».

– И что? – Борька из-за спины врача нервно вчитывался в строчки, – ему поверили?

– Я бы так не сказал, – Васильевич нехотя мотнул головой. – Его признали психически нездоровым и даже отправили на Землю проходить долгий реабилитационный курс. Решили, что лунный климат ему повредил в своё время.

– Да? – Борька нервно сглотнул, неожиданно получилось очень громко.

– Ты знаешь, – медленно произнёс Васильевич и почему-то утишил голос, – в ваших медкартах есть одно сходство.

– Какое?

Васильевич окинул Борьку долгим оценивающим взглядом.

– Вы оба не употребляете спиртного, – наконец, произнёс он. – Ни капли. Повышенная сопротивляемость организма, неприятие алкоголя, так? Возможно, у вас обоих имеется сверхчувствительность зрительных рецепторов, из-за чего развилась способность к высокой степени аккомодации...

Борька вытаращил глаза, силясь понять, к чему ведёт врач. Васильевич заметил это, улыбнулся. Затем мягко продолжил:

– Понимаешь, Борис, постоянные победы Аудакса давно вызывают ряд неясных сомнений, и на Земле уже провели ряд некоторых исследований. В общем, есть подозрения на некий вид допинга, если можно это так назвать.

– Зачем Аудаксу так подставляться? – удивился Борька.

– Ты забыл о наградах, – снисходительно заметил врач. – Планета-чемпион, кроме приятного пополнения своего золотого запаса, освобождается от внешних налогов, а также от некоторой части таможенных пошлин, что согласись, для весьма почитаемого в Галактике винного бизнеса этого мирка весьма неплохо.

Борька заинтересовался.

– Так значит... – начал он, стремясь как можно яснее облечь в мысль забрезжившую у него надежду, – я не сумасшедший?

– Не больше, чем все мы, – кивнул врач и опять забарабанил по клавишам.

Дверь вновь распахнулась, и на этот раз в лазарет вошёл сам Романович. Он внимательно оглядел помещение, после закрыл дверь на две изоляционные перегородки – звуковую и слуховую, и лишь затем обратился к Васильевичу:

– Уже рассказал?

– Как раз начал прояснять некоторые детали, – кивнул врач.

Романович встал возле него, заглянул в монитор, пожевал губами, повернулся к Борьке. Под внимательным оценивающим взглядом тренера ученик чуть ли не согнулся в два раза.

– Ты проведёшь второй бой, – чётко произнёс Романович и погладил бороду, словно раздумывал над чем-то.

– Не скрою, – продолжил он, – я не в восторге от твоих бойцовских качеств... Однако выбор пал на тебя и ты должен сделать всё возможное, чтобы вывести Аудакса на чистую воду. Я буду лично заниматься тобой всю неделю, ясно?

Борька, проникшись моментом, кивнул. Но спросить, что именно от него ждут, не решился.

Но Васильевич сам вступил в беседу:

– В общем, Борис, положение дел таково... наши биологи подозревают, что на Аудаксе некоторые люди каким-то образом научились выпускать свои самые сильные эмоции... э-э, как бы это сказать? На волю. Наверняка, ты кое-что слышал об открытии защитной оболочки человека, именуемой по-простому – «рубашка»?

Борька сложил брови домиком.

– Ясно, – со вздохом подытожил Васильевич. – В общем, так называемая «рубашка» сдерживает эмоции человека на должном, строго ограниченном уровне. В том числе и страх

– самое сильное чувство человека. Есть подозрение, что аудакияне тайно решились на запретную операцию – сделали надрез в «рубашке».

– Ну а причём тут цифровая борьба? – не сдержал удивления Борька, за что получил строгий взгляд от тренера и тут же смешался.

– А при том, – продолжил свою научную речь Васильевич, – что страх не только предупреждает опасность, но и мобилизует все силы организма на её устранение. Поэтому, лишившись природной защиты, организм находит новый способ самосохранения в силу эволюции, генетики и ещё нескольких дисциплин, пожалуй, для тебя не очень известных.

Борька был согласен, поэтому вновь осторожно кивнул.

– Виталий Романович, – врач указал на тренера, – первым высказал предположение, что у бойцов Аудакса есть некий дар предвидения.

– Что-что есть? – изумился Борька.

– Дар предвидения, – сухо подтвердил Романович.

Борька смутился от его взгляда и решил больше не переспрашивать.

– Я просматривал и неоднократно, – продолжил Романович, пристально глядя Борьке в глаза, – записи боёв, проводившихся на всех, без исключения, Цифровых Играх. Как известно, на первых межгалактических соревнованиях Аудакс проиграл Земле... А все последующие Игры – сплошное золото. Так вот, я заметил, что картина боя у спортсменов Аудакса слишком красива: движения точны и безукоризненны, ни один обманный манёвр со стороны противника не проходит... а так не бывает. Как будто аудакияне наперёд знают, куда и с какой силой будет бить соперник, где он выложит серию, а где рассчитывает на один точный удар, где будет захват или блок, где подножка... Аудакияне действуют быстро, точно и правильно – идеально.

Борька поёжился: вспомнил собственный бой.

– Было предположение, что на Аудаксе действовали биороботов, – ввернул Васильевич. Он внимательно слушал Романовича, но не переставал что-то набирать, пристально глядя в монитор.

– Нет, это невозможно, – покачал головой тренер, – реакция у аудаковских спортсменов человеческая, опять же – эмоции... Да и на первом медосмотре таких «бойцов» сразу бы рассекретили.

– Вот, нашёл! – вдруг радостно воскликнул Васильевич. – «Рубашка – защитная оболочка организма», статья на три страницы в «Межпланетном вестнике», датируется 15 сентября 2450 года...

– Пятьдесят лет назад! – присвистнул Борька.

– Я уже читал эту статью, правда, тогда не придавал ей особенного значения, – Васильевич опять почесал нос – видно, нервничал. – Общий смысл таков – у человека при рождении имеется «рубашка» – тонкая, едва уловимая специальными высокочувствительными приборами оболочка. Своего рода защита человеческого организма от негативных воздействий окружающей среды... но не только. Есть обратный эффект: «рубашка» защищает мир и от самого организма – от его эмоций, страхов, комплексов и прочего негатива, коего в любом организме с вершком. В этой статье говорится об удивительном эксперименте – попытке сделать в такой оболочке лёгкий надрез. Сначала опыт шёл весьма успешно: трём добровольцам провели сложную операцию – при воздействии тончайшего лазера, «рубашку» удалось прорезать на целых три сантиметра! Пациенты чувствовали себя прекрасно и через несколько недель было решено провести тесты. Тогда и обнаружилось, что у исследуемых полностью исчез страх. А через некоторое время у этих людей появился некий дар предугадывания. Как будто они знали, что произойдёт за несколько секунд вперёд: кто что скажет, какое произведёт движение. Научная общественность пришла в бурный восторг, но неожиданно все троих постигла быстрая смерть, диагноз одинаковый – остановка сердца из-за сильнейших перегрузок. Конечно, опыты внесли в список запрещённых экспериментов. Угадай, на какой планете всё это происходило? Маленькая, отдалённая планета с благодатным климатом, очень похожим на

земной.

– На Аудаксе?

Васильевич кивнул.

– Если выяснится, что здесь дело пахнет не только допингом, но и запрещёнными экспериментами на людях, о, Аудакс заработает по полной. Кроме того, есть подозрение, что этих первых трёх исследуемых ликвидировали. Эксперимент официально вошёл в категорию запретных, а на самом деле плодами этого открытия довольно успешно пользуются... Понимаешь, какая на тебе лежит ответственность?

– Ты проведёшь бой по специальной схеме, – жёстко произнёс Романович. – Твоя задача – как можно дольше подводить противника под серию быстрых одинарных ударов. За неделю ты запомнишь рисунок боя и будешь в строгости ему следовать – никакой самодеятельности. Если аудаксянин попадётся на нашу уловку – он будет блокировать все твои, даже самые бессмысленные удары... Тогда поединок примет вид театрализованного боя – профессионалы смогут понять, что твой противник знает о движениях заранее, хотя такого не может быть абсолютно. Однако должен предупредить – задача не из лёгких.

– Я понял, – Борька с готовностью кивнул, – постараюсь. Но у меня вопрос... Эта его зелёная кошка с чёрным ободом – что это?

– Эмоция, облечённая в некую форму, – тут же пояснил Васильевич, – в мыслеформу страха... Конечно, с точной вероятностью сказать не могу, но скорее всего, даже если эмоции выпустить, они всё равно будут следовать за человеком на расстоянии.

А Борька вдруг вспомнил, как аудаксянин предупредил его: посоветовал быть осторожнее, когда он будет вставать с кушетки. Ведь Борька же потом упал! Неужели Скорп действительно предвидит близкое будущее? Да, в бою такое обстоятельство обеспечивает немалое превосходство над противником...

– И ещё, самое важное, – Васильевич наградил Борьку тревожным взглядом, – надеюсь, ты больше никому не рассказывал о своих видениях? Кроме Алексея, понятно?

Романович и Борька одновременно посмотрели друг на друга, и последний тут же смутился.

– Если честно... – уши у Борьки стали малиновыми. – Я рассказал об этом Скорпу... аудаксянину, с которым дрался.

В лазарете воцарилось молчание. Борька боялся дышать, чувствуя возникшее напряжение.

Романович скрутил бороду в кулак и сильно дёрнул.

– Ему нельзя драться, – обращаясь к тренеру, произнёс Васильевич и яростно почесал свой нос. – Убьют. При малейшем подозрении убьют.

– Без сомнений, – борода Романовича выдержала ещё одно яростное дёрганье.

Врач и тренер разом опустили глаза и нахмурили лбы.

И тогда Борька отважился.

– Я думаю, Скорп не придавал моим словам большого значения, – решительно сказал он. – Скорей всего, он подумал, что я здорово двинулся после удара и всё... А ещё, Скорп сам рассказал мне, что в детстве сильно испугался земной пантеры, а его зелёное чудовище как раз имело вид большой кошки... Может, его страх имеет вид этого, самого ужасного воспоминания?

Васильевич одобрительно кивнул.

– Интересная мысль.

Борька перевёл взгляд на Романовича:

– Я смогу провести бой.

Во взгляде тренера жалость удивительным образом сочеталась с удивлением. Замерев от волнения, Борька ждал его ответа: возможно, это единственный шанс заслужить уважение.

– Можно попробовать, – наконец, выдавил Романович.

Васильевич шумно вздохнул и лишь через некоторое время произнёс:

– Большой риск... Но выхода нет – дело серьёзное.

Всю неделю Борька занимался персонально с тренером, – остальные ребята немало удивлялись этому. Тем более, Романович неожиданно, в ущерб тренировкам, разрешил поездки по Аудаксу, даже с осмотром лучших виноделен. С Лёшкой Борька особо не виделся, да и не было когда – всё время занимали тренировки, а коротких перерывов хватало лишь на еду и сон.

Борька радовался и одновременно страшился этому неожиданному сближению с тренером. Работали они в основном на скорость: Борька заучивал несложный комплекс движений, повторял его раз за разом, стараясь неукоснительно следовать технике исполнения – шла привычная, но не очень выматывающая тренировка. Вскоре Борька мог с закрытыми глазами быстро и чётко выполнить задуманную битву с воображаемым противником, даже если бы его разбудили в три часа ночи. Хитрость заключалась в том, чтобы переманить противника на своё «поле боя», заставить его действовать по своим правилам, – правилам этого, специального придуманного поединка. Если всё пройдет успешно, видеопространственная запись боя послужит главным доказательством для разоблачения аудаксовских махинаций.

День поединка быстро приближался, пока не обрушился на голову Борьки хмурым серым рассветом.

В его сердце надёжно залёг страх. Желание драться, возможно, насмерть, заметно поубавилось, но Борька ни за что не признался бы в этом. Не вынес бы разочарования Романовича, ни за что.

В раздевалке Борька привычно пережил обморок, но уже под присмотром Васильевича. Собака в видении не нападала, но всё также оглушительно лаяла.

Синий кружок ковра с золотым ободом выглядел сегодня особенно зловеще. Аудаксянин уже ждал его на «тринадцатке», зелёная пантера нервно било возле него хвостом, шипя на землянина.

Борька сосредоточился. Ему бросилось в глаза, что Скорп как-то непривычно бледен: глаза аудаксянина странно бегали по залу, он явно избегал встречаться с Борькой взглядом.

Но когда прозвучал свисток рефери, Скорп неожиданно поднял взгляд на противника.

Его глаза выражали решимость драться насмерть.

Борька тут же почувствовал это, но быстро отогнал страх: ему необходимо было первым начать игру. Поэтому он не пошёл по привычному кругу, а двинулся наперерез к противнику. Аудаксянин не удивился, пошёл навстречу, поднял руки, сжатые в кулаки, к самому лицу.

Борька испытал дивное сосание под ложечкой: первый удар он должен был нанести в голову. Бледное лицо Скорпа приближалось.

Они ударили одновременно: Борька – кулаком в лицо, хотя знал, что Скорп отразит удар, аудаксянин – боковым ногой.

Предплечье свело судорогой от боли, но Борька, сцепив зубы, нанёс целую серию ударов противнику в лицо: один за одним. Скорп растерялся, отскочил, но в глазах – всё та же мрачная решимость.

Пошли по кругу – отдыхали. Для Борьки всё шло по плану: сейчас он проведёт следующую серию – чередование ударов руками и ногами, – возможно, замысел удастся и собьёт «предвидящего» противника с толку.

Сделав глубокий вдох, Борька вновь двинулся к Скорпу: хитрость почти удалась, аудаксянин вновь отскочил первый, явно разозлённый. Зато с его кошкой произошла удивительная перемена – зелёная багира вдруг заскулила и, прижав уши, попятилась назад.

Рывок – Скорп бросился на него первым: нанёс удар по затылку сверху – раз, ещё один, и ещё, – Борька отбил, возмущённый запретным приёмом. Быстро отскочил, оглядываясь на

рефери – но тот молчал, делая вид, что не заметил нарушения. Вид у судьи тоже был довольно-таки бледный.

И тогда Борьке стало страшно – руки онемели, а ноги будто налились свинцом – он не мог сдвинуться с места, будто парализованный.

Зелёная кошка опять зашипела, выгибая спину, и неожиданно двинулась на него, а с ней рядом и Скорп – бледный, угрюмый, страшный.

Внезапно аудахсянин остановился, будто споткнулся, и Борька увидел, как распахнулись от ужаса его глаза.

Скосив взгляд, Борька почувствовал, как волосы на голове встают дыбом: рядом с ним, приготовившись к прыжку, сидела на задних лапах знакомая псина – зелёная, с чёрным светящимся ободом. Миг – и она бросилась на своего «зелёного» противника, тут же подмяв кошку под себя: пантера заверещала совсем по-человечески и вдруг завывала так дико и ужасно, что у Борьки подкосились ноги – он сел на пол и схватился за сердце, которое, казалось, сейчас выпрыгнет из груди.

Скорп уже стоял на коленях, с выпученными от ужаса глазами: выглядело так, будто его сейчас вырвет.

А битва зелёных тварей продолжалась: жуткое утробное ворчание перемежалось с пронзительным кошачьим воем, – казалось, от этих звуков можно сойти с ума...

Медленно проваливаясь в темноту, Борька ещё видел мутнеющим взором, как исчез изоляционный купол, как встревожено зашумели зрители, как бежала к нему чёрная фигура Романовича... Сердце вдруг бешено зачастило, конвульсивно ухнуло и остановилось.

Очень знакомая комната.

Белый потолок, голубые шторы на круглых окнах – лазарет.

Борька пошевелился, повернул голову и увидел зелёную собаку – она спала возле его кровати, свернувшись калачиком, – чёрное свечение едва угадывалось.

– Боже, – простонал Борька и крепко зажмурил глаза. Осторожно открыл их – псина не исчезла: наоборот, очень натурально всхрапнула во сне.

Дверь неожиданно отворилась и в комнату вошла целая делегация: Романович, Васильевич и какой-то высокий незнакомый мужчина в военной форме, а за ним сразу три медсестры – очень серьёзные женщины со строгими нахмуренными лицами.

– Как дела? – привычным заботливым тоном спросил Васильевич.

– Она не исчезла, – угрюмо ответил Борька. – Сидит рядом и спит... Моя мыслеформа.

– Занятно, – в глазах Васильевича промелькнул неподдельный интерес. Он присел на край кровати, разложил нехитрый медицинский инструмент. Измерил Борьке давление, послушал сердце, проверил пульс.

Остальные с вежливым интересом молча наблюдали за его действиями.

– Показатели удовлетворительные, – наконец, сообщил он. – Можно готовить к операции.

– К операции? – испугался Борька.

– Не переживай, особо не стоит, – тут же успокоил его Васильевич. – Понимаешь, пока ты находился в двухнедельной коме, мы обследовали тебя при помощи высокочувствительного оборудования, очень занятого, надо сказать, оборудования... – Васильевич мечтательно улыбнулся. – И, думаю, разгадали причину твоих видений: у тебя обнаружился природный разрыв в «рубашке» – скорее всего, ещё в детстве, под влиянием сильнейшего потрясения. А здесь, на Аудахсе, твоя чувствительность обострилась – ты смог разглядеть чужие мыслеформы, а после, насколько я понимаю, увидел и свою собственную... Кстати, это зверь? Или птица?

– Собака, – хмуро сообщил Борька, всё ещё переживая мысль о какой-то загадочной операции. – Она лежит здесь, прямо за вашими ногами и спит.

Присутствующие нервно оглянулись, кроме человека в военной форме, – лицо у незнакомца было жёстким, хмурым и неприятным.

– Занятно-занятно, – Васильевич в задумчивости почесал нос.

Борька же не мог оторвать взгляд от лица человека в военной форме.

– Это полковник галактической полиции, – представил того Васильевич, заметив интерес Борьки, – он хотел бы выслушать от тебя подробности твоего последнего боя.

– А как Скорп? – спросил Борька. Не хотелось ему рассказывать подробности. Страшно было вновь пережить.

– Он уже дал показания, – голос у полковника оказался неожиданно вкрадчивым и мягким.

– С ним всё в порядке?

– С ним – да, – ответил за полковника Романович, – а вот с тренерским составом Аудакса – нет. Как впрочем, и с медперсоналом, большую часть которого удалось задержать при попытке бегства с планеты... Кроме того, убежало и несколько судей, даже рефери... хотя никто не предъявлял им обвинений.

– А что Скорп? Он знал, откуда у него дар предвидения?

Романович переглянулся с Васильевичем.

– Все они говорят, что не знали, – произнёс Васильевич, – но сознаются, что думали, будто принимают специальный допинг... Пока что аудаксовских спортсменов отстранили от всех соревнований, кроме внутренних, до выяснения обстоятельств.

... После Борькиного рассказа, записанного полковником на «випро» – видеопространственную запись, Романович стал необычайно хмур, а лицо Васильевича, наоборот, прямо светилось восторгом. Проводив полковника и хмурых медсестёр, он вернулся и тут же изрёк:

– Потрясающе!!!

– Что именно? – изумился Борька.

– Как ты не понимаешь, – в свою очередь изумился врач. – Ты наблюдал борьбу ваших мыслеформ – страхов!

– Ну и? – Борька совсем не находил в этом ничего интересного.

– Как вы думаете, кто из противников был сильнее? – в нетерпении обернулся Васильевич к тренеру, – наш Борька или этот... Скорп?

– Скорп имел явное преимущество, – жёстко заключил тренер.

Борька не обиделся – так оно и было.

– Вот! – торжественно произнёс Васильевич, – а страх Борьки победил страх аудаксянина, потому как был сильнее. То есть всё категорически наоборот, понимаете? Это открытие и если я первым запишу исследование сего феномена, то прославлюсь!

Романович скептически скосил бровь.

– И ещё, – продолжал Васильевич, всё более светлея лицом. – Твой противник перед вашим боем узнал, что ему сделали надрез, и понятно, ему стало страшно. Но страх-то находился снаружи, понимаешь? Поэтому случилось некое раздвоение – на его организм свалились сильные нагрузки – сердце еле выдержало... Кстати, им всем сделают операцию, такую же как и тебе.

– А когда он узнал о своём надрезе? – удивился Борька. – Ведь он на первом бою не видел своей кошки.

– Скорп сознался, что после того, как он рассказал о твоём зелёном видении, тренер сильно перепугался и занервничал. А после, уже вдвоём с их врачом, он приказал ему тебя ликвидировать во время поединка или хотя бы нанести серьёзную травму, чтобы всё списать на помутнение рассудка. И конечно, им пришлось подробно рассказать, чем именно достаётся бойцам Аудакса победа. Представляю, если это правда, конечно, что их ребята ничего не знали, как изумился бедняга Скорп... Наверное, им сделали операцию тайно, под действием обычной процедуры – удалении аппендикса, скажем... а может, операция на лёгких? Сердце, камни в почках, желудок, наконец? Просто профилактика под наркозом...

Романович нахмурил брови. Борька подозревал, что он не любит врачей и их

процедуры, делая исключение лишь для словоохотливого приятеля Васильевича.

– Ладно, я побежал, – нетерпеливо произнёс Васильевич, явно думая о своём открытии, – надо кое-что записать... Я вечером ещё загляну, ладно?

Борька понимал его: летел на обычные соревнования, как простой командный врач и вдруг – такой сюрприз – на пороге удивительного открытия, истинная радость для любого профессионала.

Когда за врачом закрылась дверь, Борька без труда принял сидячее положение – надоело лежать.

– Поосторожнее, – предупредил тренер и сам присел на табуретку возле кушетки.

Довольно долго молчали.

– Спасибо, – неожиданно тепло, с чувством сказал Романович, – ты поступил как герой... Знать, что тебя могут убить и согласится на поединок – большая отвага. Не знаю, что там наплёл про твой страх Васильич, ты вёл себя, как настоящий боец. Можешь всегда на меня рассчитывать.

И пожал ученику руку.

На душе у Борьки потеплело. Возможно, если операция пройдет успешно (кто знает того Васильевича), его допустят к следующим Цифровым Играм.

А уж теперь Борька знает, как примерно управлять своим страхом.